

РЕЦЕНЗИИ

Péter Mihály, *A nyelvi érzelemkifejezés eszközei és módjai*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1991, 303 pp.

Рецензируемая книга М. Петера "Средства и способы языкового выражения эмоций" относится к небольшому числу работ монографического характера, посвященных теоретическому анализу проблемы языкового выражения эмоций. Она также является единственным сопоставительным исследованием в области эмоциональных средств русского и венгерского языков. Иллюстративный материал монографии взят большей частью из непринужденной разговорной речи (в обоих языках), тем самым предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой также обогащение коллоквиалистики. В эпоху проникновения разговорных элементов в разные виды книжно-письменной речи, в художественную литературу нет надобности доказывать, насколько важно для будущих филологов-русистов знакомство со спецификой разговорной речи как русского, так и своего родного языка.

Книга предназначена для студентов-филологов, изучающих общее, венгерское и русское языкознание, а также для преподавателей этих же языков, далее она представляет интерес для широкого круга читателей, занимающихся русским языком как в теоретическом, так и в практическом плане.

Работа состоит из трех разделов. В первом разделе трактуются общие теоретические вопросы языкового выражения эмоций. Утверждается, что язык является объективацией сознания, наиболее общей формой его существования. Сознание отражает действительность не пассивно; оно "заинтересовано" и ориентировано на действие. В эмоциях отражается отношение между человеческими потребностями и вероятностью их удовлетворения. (Отсюда получают положительные и отрицательные эмоции.) Это отношение проявляется как внутреннее переживание, заключающее в себе познавательный момент оценки. Таким образом, оценка проявляется в анализе одной из основных функций

человеческой психики. Языковая оценка является более широким понятием по сравнению с языковой эмоциональностью, поскольку она, кроме эмоциональной, включает в себя также рациональную оценку. В языковом выражении эмоций отражается их комплексный и часто диффузный характер. Не считая выражение эмоций отдельной языковой функцией, автор утверждает, что оно свойственно всем функциям языка: репрезентирующей, абстрагирующей и прагматической.

Основным лингвистическим достижением рассматриваемого раздела, на наш взгляд, является тонкое разграничение нередко смешиваемых, иногда даже отождествляемых категорий эмоциональности, экспрессивности и стилистической значимости. По анализу М. Петера, языковая эмоциональность представляет собой семантическую категорию: она свойственна значениям морфем, слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и высказываний. Экспрессивность – это усиление эффективности языкового выражения, усиление его "коммуникативной энергии". Стилистическая значимость – это специальная маркированность языковых элементов, "которая сигнализирует о релевантных для данного языкового коллектива коммуникативных ситуациях и о соответствующих им разновидностях употребления языка (стилях)" (с. 45). В отличие от эмоциональности, экспрессивность и стилистическая значимость не являются семантическими категориями, они выполняют метаязыковую функцию, относятся непосредственно к способу употребления языкового кода и только опосредованно к содержанию сообщения. Неоспоримо однако, что эти три категории действуют в языке в теснейшей связи.

Второй раздел посвящен выражению эмоций на уровне слова. При изучении эмоционального содержания лексического значения автор исходит из дескриптивного и оценивающего компонентов значения и их динамического взаимоотношения.

Слова, имеющие в своем значении эмоциональное содержание, разделяются автором на пять групп:

1. Слова, обозначающие понятие об эмоциях (*любовь, ненависть; надеяться, бояться; ревнивый, печальный*). Поскольку внутреннее переживание эмоций почти не поддается понятийному

определению, лексикографическая характеристика этой группы слов вызывает большие трудности. Современная семантическая интерпретация таких слов опирается на обозначение типичных жизненных ситуаций, вызывающих ассоциацию описываемого эмоционального состояния, а также на типичные мыслительные и волевые процессы, сопровождающие такие ситуации (А. Вежбицка, Л.И. Иорданская).

2. Опосредованное изображение эмоций путем метонимии и метафоры. Метонимический способ обозначения состоит в том, что изображаются типичные телесные изменения (*побледнеть, покраснеть*) или выразительные движения, сопровождающие данное эмоциональное состояние (*сверкать глазами, схватиться за голову, мурашки бегают по спине*). Метафорический способ обозначения проявляется в развернутых метафорических системах, в частности, в системе "чувство → жидкость" (*излить тоску/гнев/душу*), "чувство → огонь" (*гореть желанием, пылать страстью, разжигать ненависть*).

3. Оценочные слова, разделяющиеся на слова общей и частной оценки. Deskриптивный компонент их значений указывает на норму. Слова общей оценки (*хороший, хорошо; плохой, плохо*) выражают, в основном, рациональную оценку, но имеются и слова, выражающие преимущественно общую субъективно-эмоциональную оценку (*блестящий, великолепный, никудышный, отвратительный*). Слова частной оценки (*мудрый, бескорыстный, трусливый, грубый*) не имеют синонимов, нейтральных в эмоционально-оценочном отношении, так как в их значении deskриптивный и оценочный компоненты сливаются в органическое единство.

4. Квалифицирующие слова. В отличие от оценочных слов, deskриптивный компонент значений не указывает на норму, оценочный же компонент значения квалифицирует предмет по некоторой норме. Так, если значение оценочного слова *изменник* можно толковать как 'тот, кто предаст интересы родины – и это плохо', то значение квалифицирующего слова *рифмоплет* толкуется как 'плохой поэт', а не как 'поэт – и это плохо'.

5. Слова, в которых эмоционально-оценочный компонент

коренится в их лексико-семантической валентности. Напр., *сообщник* 'соучастник какого-н. преступления', *сговор* 'соглашение о чем-н. неодобряемом'.

Разграничение последних двух групп кажется нам не полностью убедительным. Однако выводы, сделанные на основе анализа производных слов, представляются нам интересными и тонкими. Автор уточняет и корректирует распространенное мнение, согласно которому носителями эмоционального значения в производных словах являются особые "аффективные морфемы". Он доказывает, что, кроме последних, носителем эмоционального содержания может быть а) значение производящего слова (*lealjasodik, lecsepül, lepaktál*), б) лексическое значение производного слова (*lehord, le-torkol, levitézlik*) и в) деривационное значение данного словообразовательного типа (*letegez, leöcsiz, lejóskáz*).

Очень интересен и анализ т.н. экспрессивно-характеристических имен лиц. Для их образования в русском языке употребляется преимущественно суффиксальный способ (*плакса, скромняга, хвастун*), в венгерском же – сложение (*álomszuszék, méregzsák, szentfazék*).

Третий раздел посвящен выражению эмоций на уровне высказывания. Подобно выражению эмоций на уровне слова, на уровне высказывания эмоциональность также отграничивается от таких конструктивных категорий высказывания, как модальность и иллокуция. В случае модальности разграничение представляется нам недостаточно тонким, в случае же иллокуции оно является полностью убедительным. Под иллокуцией автор понимает целевую установку общения, а под эмоциональностью эмоциональную мотивацию этой установки. Им убедительно доказывается, что между названными категориями нет взаимно однозначного соответствия: определенное эмоциональное состояние может мотивировать высказывания с различной иллокутивной силой, и наоборот, определенная иллокуция может быть мотивирована различными эмоциональными состояниями говорящего. Отдельная глава посвящается интонации, важнейшему средству выражения эмоций на уровне высказывания. С семиотической точки зрения эмоциона-

льные интонационные конструкции представляют собой своеобразный знаковый тип; они обозначают внутреннее переживание говорящего, которое актуализируется в ситуации речи и становится частью конкретного смысла высказывания. В типологическом отношении эмоциональная интонация близка к музыкальному знаку, однако, в отличие от него, ее референция всегда конкретна и определена благодаря контексту и речевой ситуации.

Отдельная глава уделяется и т.н. коммуникативным типам предложения, обладающим значительным эмоциональным потенциалом. Также в отдельной главе описываются различные лексико-синтаксические конструкции, играющие существенную роль в выражении эмоций на уровне высказывания. В русском языке описывается семь моделей, служащих понятийному описанию различных эмоциональных состояний говорящего (*я беспокоюсь, мне беспокойно, я в беспокойстве, у меня радость, я счастлив, я взволнован, меня охватило волнение*). (В венгерском языке таких моделей пять.)

Относительно языкового статуса междометий в их понимание вводятся существенные коррекции. Убедительно доказывается, что даже первичные междометия не могут рассматриваться как внеязыковые явления, так как они имеют частично неодинаковую форму в различных языках, и сходные по звучанию междометия в отдельных языках могут иметь неодинаковое значение. Это же положение подтверждается далее возможностью заимствования междометий и стилистической значимостью, а также характерными и для них явлениями полисемии, омонимии и синонимии. Диффузное значение отдельных междометий связано с диффузной природой самих эмоций. По своей знаковой природе эмоциональные междометия близки к эмоциональным интонационным конструкциям: их значением является внутреннее переживание говорящего, актуализирующееся в речевой ситуации. Однако, по своей знаковой форме междометия отличаются от интонации: интонация имеет аналогичный и динамичный характер, междометия же представляют собой дигитальные знаки, иногда даже "дигитальные индикаторы" самой интонации.

Выделяется по своей тонкой разработанности глава, описы-

вающая двойного рода модификации состава предложения: а) распространение, т.е. повторение какой-либо синтаксической позиции предложения и ее заполнение одинаковыми или семантически связанными лексическими элементами, б) сжатие, т.е. незаполнение одной из обязательных в предложении синтаксических позиций. К первому типу модификаций состава предложения относится повторение, а ко второму эллипсис (пропуск) и апозионезис (умолчание). При анализе эллипсиса особое внимание обращается на номинативные и инфинитивные предложения. Тончайший анализ посвящен парцелляции, своеобразному синтезу распространения и сжатия состава предложения (напр., *Нравится она мне. Очень.*).

Рецензируемая книга заканчивается приложением, трактующим проблему т.н. фонетического значения. Этот вопрос охватывает три различных вида явлений: а) субъективную символику отдельных звуков речи, б) т.н. выразительные звуковые изменения и в) звуковые метафоры.

Теоретическое и практическое значение рассмотренной монографии, на наш взгляд, состоит в следующем: благодаря широкому функциональному подходу к языку автор смог выявить органическое единство и взаимодействие рационально-изобразительной и эмоционально-оценочной сторон языка. Самый значительный результат исследования заключается именно в доказательстве того, что языковая система на всех уровнях своей структуры обладает средствами для выражения эмоциональных состояний говорящего. Все эти средства, несмотря на различие их языкового и семиотического статуса, функционируют в теснейшем взаимодействии с рациональными элементами языка, контекстом и коммуникативной ситуацией. Богатый языковой материал, сопоставительный аспект и монографический охват книги делают ее чрезвычайно важным пособием в обучении венгерских студентов русскому языку на продвинутом этапе.

Эдит Саламин

(Szalamin Edit, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Kazimierz Bajor, Rosyjskie konstrukcje temporalne z przyimkiem (na tle polskim). Acta Universitatis Lodziensis, Folia Linguistica 22, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1990, 286 pp.

Последняя монография профессора К. Байора посвящена описанию русских предложно-падежных конструкций, выражающих временные отношения. Данная работа является первым опытом описания временных отношений в русском языке на фоне темпоральной системы польского языка. Проведенные исследования показали, что в образовании русских темпоральных конструкций принимает участие свыше 60-и предлогов, а именно: *без, близ, в + вин., в + предл., до, за + вин., за + твор., к, между + род., между + твор., на + вин., на + предл., о + вин., о + предл., от, перед, по + дат., по + вин., по + предл., под + вин., при, с + род., с + твор., через, ближе к, близко к, в канун, в параллель с, в предверии, в продолжение, в течение, в ходе, во время, вместе с, вперед, вплоть до, вслед за, глядя на, за время, задолго до, на протяжении, назад + вин., назад + твор., накануне, наперед, наряду с, начиная с, незадолго до, незадолго перед, одновременно с, по истечении, по мере, по прошествии, поближе к, погода, позже + род., позже/позднее + твор., поперед, после, посреди, предварительно, прежде, раньше/ранее + род., раньше/ранее + твор., рядом с, выше, спустя + вин., спустя + твор., среди, тому + вин., тому назад + вин.* В известных нам работах не встречается такая, кажется, исчерпывающая инвентаризация временных предложных конструкций. Основным критерием для детальной семантической классификации временных предложных конструкций считается содержащиеся в них указания на временной ориентир. Соответственно этой установке временные конструкции прежде всего подразделяются на интралокационные (локализуют действие в пределах временного ориентира), экстралокационные (выражают локализацию за пределами темпорального ориентира) и алокационные (не содержат признак временной локализации по отношению к временному ориентиру). Все эти разряды конструкций разбиваются на подразряды и группы, в составе которых они сопоставляются с

соотносительными польскими конструкциями. Ср.:

интралокационные (28 синтаксических схем)	экстралокационные (60 синтаксических схем)	алокационные (6 синтаксических схем)
1. недуративные: <i>в пол- день</i> 2. дуративные: <i>в один день</i>	1. прелокационные (35 схем): а) нефазисные: <i>под утро</i> б) фазисные: <i>до утра</i> 2. постлокационные (18 схем): а) нефазисные: <i>по приезде</i> б) фазисные: <i>с рас- света</i> 3. интерлокационные (7 схем): <i>с утра до ве- чера</i>	темпорально-фреквен- тативные: <i>на этот раз, в этот раз, по первому разу</i>

Описание, по мере возможности, является полным, т.е. вскрывает всю синтаксическую активность отдельных темпоральных предлогов и дает анализ всех функционирующих в письменной и устной речи синтаксических схем (не только типичных, но и редких, а также таких, которые находятся за пределами современной литературной нормы). В монографии вскрывается неодинаковая функциональная нагруженность многих элементов сходного в общем инвентаря синтаксических средств русского и польского языков.

Книга профессора Байора послужила нам поводом для следующих критических замечаний: 1. Термин "локационный" указывает в первую очередь на местоположение чего-либо в пространстве. Его употребление для обозначения временных отношений является не совсем удачным. 2. Среди отмеченных второобразных предлогов имеются такие, которые по формальным и семантическим признакам по нашей оценке не относятся к предлогам. Таковы, например: *раньше/ранее* + род./твор., *позже/позднее* + род./твор.

(типичные наречные сравнительные конструкции: *сдать работу раньше срока/меня*). Такие "предложные" конструкции легко можно было бы умножить: *моложе годом, старше двумя годами*. В книге есть предложная конструкция *свыше чего*, но нет *больше чего*, хотя одинаково можно сказать *Я ждал ее свыше/больше часа*.

3. Полноценность монографии пострадала из-за исключения из описания беспредложных именных и наречных темпоральных конструкций, которые часто являются основными средствами обозначения некоторых типов темпоральных отношений или как вторичные средства обозначения являются синонимами первичных предложных конструкций. Ср., например: *Он приехал ранним утром (рано утром, с раннего утра). Она двадцати лет вышла замуж./Она вышла замуж в двадцатилетнем возрасте*.

4. Из-за выбранного автором распределения материала иногда не ясны те правила, по которым те или иные типы конструкций употребляются для обозначения отдельных типов временных отношений. Так, например, конструкция *в + вин.п.* в качестве основного средства обозначает момент времени (отвечающий на вопрос *когда?*) в трех случаях: а) с существительными, обозначающими неопределенные по продолжительности единицы и отрезки времени: *в грозу*, б) с существительными (обычно с определениями), обозначающими наименьшие единицы времени до дня включительно: *в этот день, в среду*, в) со словами *неделя, месяц, год, век*, если обозначается время не по хронологическому летоисчислению: *Они вышли замуж в один и тот же год/в этом году*.

5. Проф. Байор необоснованно исключает из временных конструкции типа *газета от третьего июля, номер журнала за май, монах лет под/за шестьдесят* на том основании, что в них темпоральные отношения смешиваются с лимитативными и количественными. На таком основании большинство временных конструкций следовало бы отнести к лимитативным или квантитативным, так как в них реальное время ограничивается каким-н. ориентиром и это ограничение часто характеризуется и количественно. Ср.: *только в среду/по средам, в эти годы, в девяностые годы, через две недели после пасхи*.

6. Временные отношения в языках не могут быть "алокационными" по природе

вещей. "Локализация" однако может быть прямой, косвенной подразумеваемой, точной, приблизительной или неопределенной. В предложениях типа *Одну атаку отбили, но через два часа началась вторая. На этот раз два танка прорвались* (Симонов, Дни и ночи), например, указано время действия в ряду действий. 7. Описание и сопоставление темпоральных отношений стали бы, как нам кажется, более обозримыми, если бы они были описаны автором на общей классификационной основе недуративности и дуративности, ведь нефазисные пре- и постлокационные экстралокационные отношения являются также недуративными, фазисные же – дуративными.

В заключение хочется предложить автору подготовить рукопись для второго переработанного и расширенного издания данной очень содержательной книги, включая описание всех семантических типов темпоральных отношений, т.е. и абсолютное и релятивное время.

Иштван Пете

*(Pete István, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

З.К. Тарланов (отв. ред.), Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990, 136 с.

Составители первого выпуска межвузовского сборника по исторической стилистике, изданного Петрозаводским государственным университетом, исходили из той необходимости, что нужен более целенаправленный подход к освещению проблем и материалов исторической стилистики русского языка. Достижения современной стилистики предоставляют надежную теоретическую базу и методологическое разнообразие для стилистического анализа накопленного богатейшего фонда текстов. Однако синхронно-фронтальная разработка древних материалов на данном этапе не является осуществимой, и вместо желательного комплексного историко-стилистического и историко-типологического описания

текстов составители сборника ставят перед собой более скромную задачу: дать общую картину тех направлений в исследованиях, которые характерны для современного состояния исторической стилистики русского языка.

Сборник открывается статьей З.К. Тарланова "О предмете и задачах исторической стилистики русского языка". Определение специфического диапазона исторической стилистики затрудняют, по мнению автора, следующие факты: расплывчатость, условность самого понятия "стиль", отсутствие четкого разграничения объекта и задач истории литературного языка, разногласия относительно путей становления самого литературного языка. Исходя из дискуссионности как названных, так и других проблем, автор статьи намечает основные пути исследований по исторической стилистике. Одна из кардинальных задач исторической стилистики, считает автор, это необходимость проследить характер и степень взаимодействия между сложившимися двумя типами языка – книжно-славянским и народно-литературным. Несмотря на огромную уже проделанную работу, на ее очевидные результаты, недостатком исторической стилистики, по мнению З.К. Тарланова, являются ее аморфность, отсутствие устоявшихся традиций в оценке и квалификации языковых фактов. Если мы хотим уточнить особый ракурс исследований по исторической стилистике, определить именно то, что отличает ее от других лингвистических дисциплин, то должны согласиться с мнением З.К. Тарланова: при стилистическом анализе языковых средств в памятниках письменности всегда нужно учитывать, с какой авторской (или жанровой) установкой они включаются в текст, какую роль выполняют в том целом, для создания которого они привлечены, какой традиции они следуют.

Следующая статья носит заглавие: "Общие понятия исторической стилистики". Автор статьи, В.В. Колесов, крупный специалист по древнерусскому литературному языку, старается прежде всего определить, что такое стиль в понимании исторической стилистики. В статье излагаются основополагающие принципы, можно сказать, "каноны" стилистических исследований в исторической перспективе. По мнению автора, историческая стилистика должна рассматривать в первую очередь становление и развитие стилисти-

ческих средств языка (а их функционирование должна исследовать история литературного языка) и всегда – на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка. В плане данной лингвистической дисциплины необходимо изучить, описать качественные преобразования стилей, а также исследовать возникновение коннотаций как неслучайных созначений. В процессе знакомства с ценными наблюдениями автора о стилистическом своеобразии древних текстов, читатель, однако, затрудняется, сталкиваясь с такими понятиями как "язык культуры" или "культурный язык средневековья" (с. 20), поскольку они не дефинируются и так остается неясным, в каком смысле их употребляет автор. В статье находим интересные замечания по поводу "символизирующего сознания" средневековья. Автор статьи со свойственной ему чуткостью к тонким семантическим наблюдениям на убедительных примерах раскрывает процесс превращения древних слов-символов в самостоятельные лексические единицы в результате семантических изменений, что делало возможным их свободную сочетаемость с прилагательными. Заслуживают особого внимания положения В.В. Колесова о древних эпитетах, о метонимичности древнерусской литературы, об относительно позднем распространении метафор, свидетельствующем уже о более высоком уровне мыслительной деятельности человека. Соответственно этому историческая стилистика должна ответить на вопрос, как соотносятся между собой типы и способы образования переносных значений слова, а также исследовать образность слова.

После этих двух работ, содержащих общую картину проблем и задач исторической стилистики на современном этапе и намечающих перспективу для дальнейших исследований, в сборнике следуют статьи, посвященные более или менее частным вопросам изучения либо одного конкретного памятника письменности, либо одной языковой проблеме на основе нескольких памятников. Стилистический аспект в этих тематически очень разнородных работах выдерживается по-разному.

Статья Л.В. Савельевой "Стилистика синтаксических типов отрицания как отражение литературного этикета" опирается на материал русской агиографии XIV–XVII вв. В статье исследуется

функционирование двух типов негативного строя (монологические и полинегативные конструкции) с целью выявить закономерности их стилистического варьирования. Автор на богатом языковом материале с помощью сравнительно-текстологического анализа разных редакций одного и того же текста доказывает, что отход от канонов, отступление от норм житийного литературного этикета приводит к изменению синтаксического строя. О стилистических возможностях использования полинегативных конструкций свидетельствуют главным образом сочинения Епифания Премудрого, в которых этот тип негации становится одним из приемов экспрессивности. С другой стороны, обращение к монологическим построениям становится средством намеренной архаизации, одним словом, стилизации.

Темой статьи В.Б. Крысько является "Стилистическая дифференциация древнерусской лексики" – на летописном материале трансгрессивных глаголов. Внимание автора привлекают лишь глаголы с приставкой *пере-* и *пре-*, на примере которых иллюстрируется стремление летописцев к лексическому и стилистическому варьированию, что было неразрывно связано с общим процессом совершенствования литературного языка.

Особый интерес вызывает работа С.А. Авериной "К жанрово-стилистической характеристике северно-русской агиографии", в которой дается образцовый, на наш взгляд, лингво-стилистический анализ севернорусских житий XVI века. На основе многочисленных, но малоизученных агиографических текстов рассматриваются такие характерные для данного жанра композиционные особенности, как включение цитат, вводящие конструкции, литературные штампы, бинарные построения и кроме этого общее стремление к абстрагированию (за конкретным увидеть вечное). Под конец С.А. Аверина сравнивает фрагменты из севернорусских житий с материалами из лучших образцов средневековой орнаментальной прозы и приходит к выводу, что они по пышности, выразительности не уступают классическим образцам.

Отступая от последовательности статей в сборнике, хотелось бы выделить несколько работ, содержащих, на наш взгляд, особенно интересные выводы в плане стилистики.

М.Б. Михайлова и Л.Е. Алексеева рассматривают стилистические функции лишь одного композиционного элемента, а именно: обращения в древнерусской житийной литературе ("О динамике стилистических функций обращений в древнерусской житийной литературе"). В трех анализируемых житиях в разной мере обнаруживается изобразительная и характеризующая функция обращений. Особенно интересно проследить, как меняется традиционная структура обращения в "Житии Сергия Радонежского" в зависимости от особой "коммуникативной ситуации".

Много ценных наблюдений содержит статья Е.В. Маркасовой "Стилистические особенности использования архаичных глагольных форм в Житии Корнилия Выговского". Мотивировка выбора агиографом архаичных глагольных форм вполне убедительна: оказывается, что употребление той или иной глагольной формы зависит от субъекта, от того, о праведниках или о никонианах идет речь.

Т.П. Рогожникова в статье "Семантическая поляризация и семантическая компрессия как принципы организации текста типа «плетение словес»" дает тонкий анализ организации текста "Жития Степана Пермского".

В плане изучения лексики представляет интерес статья О.С. Мжельской о вариативности в разговорной речи русского средневекового говора (по данным русско-нижненемецкого разговорника Тонниса Фенне, составленного в 1607 году в Пскове). Автор анализирует общерусские и диалектные (псковские) варианты на уровне лексики, устойчивых словосочетаний, фразеологизмов и целых высказываний.

Ф.С. Шапиро исследует ономастическую лексику в "Молении Даниила Заточника". Рассматривая употребление и расположение библейских и русских топонимов и антропонимов в разных его списках, автор обращает внимание и на их стилистическую обусловленность.

Особый интерес представляет для изучающих морфонологическую систему русского языка статья Е.Н. Бекасовой, в которой исследуются стилистические функции рефлексов **tj*, **dj* в памятниках письменности русского языка XI–XVII веков.

Л. В. Капорулина рассматривает присубстантивные распространители в разных списках "Моления Даниила Заточника". Стилистическая обусловленность этих языковых явлений в статье не освещается.

Статью Л. Т. Пирожковой "Основные аспекты изучения нечленных действительных причастий и их функций в русском языке", хотя она содержит немало ценных наблюдений, целесообразнее было бы поместить в сборнике по истории русского языка.

Широкий спектр изучаемых тем в данном сборнике может удовлетворить интересы многих филологов-русистов, интересующихся как общими, так и частными вопросами исторической стилистики русского языка.

Опубликованные в рецензируемом сборнике работы показывают справедливость высказывания Ю. М. Скребнева (Очерк стилистики. Горький, 1975, 172) и в плане исследований письменных памятников средневековья, что "в конечном счете любое лингвистическое описание, претендующее на максимальную адекватность, должно явиться описанием стилистическим".

Каталин Куглер

*(Kugler Katalin, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

Bartol Kašić S.I., Hrvatsko-talijanski rječnik s konverzacijskim priručnikom, nach der Handschrift RKP 194 redigiert von Vladimir Horvat S.I., Zagreb: Kršćanska sadašnjost und Zavod za jezik IFF, 1990, XXII + 455 pp.

Seit dem Ende des XVI. Jahrhunderts kann die kroatische Kultur einen Reichtum an lexikographischen Werken aufweisen, der auch dann bemerkenswert ist, wenn diese mit dem gleichen Maß gemessen wird, das an begünstigtere Kulturen angelegt wird. Das Sprachmaterial, das in diesen lexikographischen Werken bewahrt wurde, ist von unschätzbarem Wert, der nicht nur in ihrem Alter und Umfang liegt, sondern auch darin, daß sie den

Wortschatz aller drei Hauptdialekte darbieten.¹ Und da sie natürlich auch die Lehnwörter enthalten, dienen sie mit wertvollen Informationen auch den Wissenschaftlern, die sich mit denjenigen Sprachen beschäftigen, die mit dem Kroatischen in engerer Beziehung stehen, vor allem also denjenigen, die die Geschichte der italienischen, deutschen und ungarischen Sprache erforschen; man denke nur an das fünfsprachige Wörterbuch von Faust Vrančić – Verancsics Faustus (Verantius 1595, Franolić 1985, 111, No. 556) und an den darin erhaltenen ungarischen Wortschatz (vgl. B. Simond 1959).

Ein Teil der alten kroatischen Wörterbücher liegt heute auch in Reprint-Ausgaben vor, z.B. die Wörterbücher von Faust Vrančić und Ivan Belosteneć (Franolić 1985, 93, No. 444); die meisten aber sind als Raritäten nur in Bibliotheken zugänglich, z.B. die Wörterbücher von Ardelio Della Bella und Juraj Habelić (Franolić 1985, 107, No. 529. und 94, No. 448). Es gibt leider auch solche Wörterbücher, die, obwohl sie wertvolles Sprachmaterial enthalten, schon mehrere Jahrhunderte auf ihre Erstausgabe warten. Von diesen nie aufgelegten Werken sind für uns Ungarn einer besonderen Erwähnung vor allem zwei Wörterbücher wert: das "Dictionarium Latinum-Illyricum et Germanicum" des Kalocsaer Erzbischofs Adam Patačić, entstanden um 1772–79, aufbewahrt in der Bibliothek des Erzbistums zu Kalocsa (Franolić 1985, 110, No. 546) und das "Etymologicon Illyricum" oder "Pravoslavnik" des Ofener Universitätsprofessoren und franziskanischen Mönchs, Matija Petar Katančić, zusammengestellt um 1815–24, aufbewahrt in der Universitätsbibliothek zu Budapest (Franolić 1985, 37, No. 19). Eben deswegen bereitet uns die moderne Erstauflage eines alten kroatischen Wörterbuches besondere Freude, wie es jetzt mit dem Kroatisch-Italienischen Wörterbuch von Bartol Kašić vorliegt.

Bartol Kašić (1575–1650), Mönch und Missionar des Jesuitenordens, der Autor der ersten vollständigen Bibelübersetzung in die kroatische Volkssprache, Autor eines katholischen Ritualbuches, eines Lektionars und einer Reihe bedeutender geistlicher Werke, Übersetzer von Psalmen und Hymnen ins Kroatische, ist auch als Vorbote der Standardisierung der

¹ Eine ausführliche Bibliographie der kroatischen Wörterbücher stellte Branko Franolić zusammen, s. Franolić 1985.

kroatischen Schriftsprache zu betrachten. Gemäß den Prinzipien des Jesuitenordens strebte Kašić bewußt danach, einen solchen Dialekt als Grundlage für die Sprache seiner Werke zu wählen, der von den meisten Kroaten leicht verstanden wird. Dieses Bestreben ist schon in seiner Grammatik, in "Institutionum linguae illyricae libri duo" (Rom, 1604), zu beobachten, die die erste Grammatik der kroatischen Sprache ist, wird aber in seinen späteren, im štokavischen Dialekt verfaßten Werken besonders offensichtlich.

Die erwähnte Grammatik wurde noch in Kašić's Jugendjahren aufgelegt. Die Forscher haben immer angenommen, und auch Kašić's Autobiographie legt es nahe, daß der ausgezeichnete Jesuit für die Erlangung seiner Missionsziele nicht nur eine Grammatik der kroatischen Sprache verfaßte, sondern wahrscheinlich auch ein Wörterbuch zusammenstellte. Für diese Annahme gab es aber lange keinen direkten Beweis, bis im Jahre 1909 Pavao Mitrović die Aufmerksamkeit auf eine anonyme Handschrift, aufbewahrt in der Bibliothek des Klosters "Mala braća" in Dubrovnik, lenkte, die seiner Meinung nach vielleicht Kašić's ča-Wörterbuch hätte sein können (Kašić 1990, XV-XVI). Daß diese Annahme den Tatsachen entspricht, bewies Vladimir Horvat S.I. in einer Vorlesung und kürzeren Abhandlung 1987-88 (Horvat 1988) und er war derjenige, der das Wörterbuch in einer Facsimile-Ausgabe verlegte.

Eine einführende Studie zu dieser Ausgabe wurde von V. Horvat verfaßt, der darin die lexikographische Tätigkeit Kašić's skizziert und Kašić in die Reihe der älteren kroatischen Lexikographen einordnet. Es wird darauf hingewiesen, daß das berühmte "Dictionarium" von Faust Vrančić schon vor seinem Erscheinen, noch in handschriftlicher Form, unter den Jesuiten in Rom bekannt wäre, und somit hätte auch Kašić es beim Zusammenstellen seines eigenen Wörterbuches benutzen können, aber, wie V. Horvat betont, erst zu einem Zeitpunkt, als seine Arbeit schon in einem fortgeschrittenen Stadium war.

In der Studie wird Kašić's Wirkung auf die späteren jesuitischen Lexikographen (Jakob Mikalja, Juraj Habelić, Ardelio Della Bella, Andrija Jambrešić) naturgemäß ein besonderer Stellenwert eingeräumt. Des weiteren berichtet die Studie darüber, wie V. Horvat beweisen konnte, daß die Handschrift RKP 194 in der Bibliothek des Klosters "Mala braća" tatsächlich Kašić's Arbeit ist. Aus der Studie erfahren wir, daß Kašić in seiner Autobiographie erwähnt, daß er ins jesuitische Noviziat unter anderen

Büchern und Schriften auch "un libretto di frasi" mitnahm, das eigentlich als Keim seiner lexikographischen Tätigkeit betrachtet werden könnte. Diese für verschollen gehaltene Handschrift, genauer, ein Fragment davon hat V. Horvat in Rom aufgefunden, im "U Archivio di stato di Roma". Im Anhang der Ausgabe des Wörterbuches wurden auch Facsimile und Text dieses Fragments aufgelegt, und V. Horvat spricht die Hoffnung aus, daß auch die anderen Teile dieses, wie er es nennt, Handbuches für Konversation (Konverzacijski priručnik) eines Tages in einem Archiv aufgefunden werden könnten. Als interessantes Kuriosum ist zu betrachten, daß dieses Konversationsbuch ins damalige Leben des jesuitischen Noviziats Einblick erlaubt, denn der Dialog stellt die körperlichen und seelischen Vorbereitungen zur Morgenmesse dar.

Es ist eine sehr interessante Annahme, daß Kašić's Grammatik ("Institutiones..."), sein Wörterbuch und sein Konversationsbuch nach der ursprünglichen Konzeption als ein ziemlich vollständiges Handbuch der "illyrischen" Sprache hätten erscheinen sollen, wovon – aus Gründen des Umfangs – nur der wichtigste Teil, die Grammatik aufgelegt wurde. Das Konversationsbuch und das Wörterbuch hat Kašić wahrscheinlich aus eigener Initiative zusammengestellt, und vermutlich auf Grund dieser seiner Tätigkeit ist Aquavivas Wahl auf ihn gefallen, und eben er zur Verfassung der Grammatik aufgefordert worden.

V. Horvat führt detailliert alle Momente auf, die beweisen, daß die Handschrift RKP 194 tatsächlich Bartol Kašić's Werk ist. Im Interesse der Objektivität forderte er Fachgelehrte zur Durchführung archeographischer Untersuchungen auf, und ihre Expertisen wurden im Anhang publiziert. Die Untersuchung der Wasserzeichen nahm Ivan Mustać, Mitarbeiter des Archivs in Dubrovnik vor, während die graphologische Untersuchung der Handschrift Željko Sabor, dem Gerichtsexperten für Handschriften zu Zagreb, zu verdanken ist.

Unter den indirekten Beweisen für Kašić's Autorenschaft erwähnt V. Horvat die Ähnlichkeit zwischen dem graphischen und prosodischen System, wie auch zwischen dem lexikalischen Material in Kašić's Grammatik und dem des Wörterbuches, und betont dabei das sehr wichtige Moment, daß das Wörterbuch eigentlich im čakavisch-ijekavischen Dialekt verfaßt wurde, der auch den späteren Werken zugrundeliegt.

Aus dem Material des Wörterbuches ist ersichtlich, daß Kašić daran auch andere Verbesserungen, bzw. Ergänzungen vornahm. Bei der Zusammenstellung des Wörterbuches benutzte er wahrscheinlich das "Dictionarium" von Vrančić, er "verkehrte" die Wörterbuchartikel (in beiden Wörterbüchern gibt es 3120 gemeinsame Wörter); wir finden aber zahlreiche Neuerungen im Verhältnis zu Vrančić's Werk. Kašić verwendet eine Rechtschreibung, die von der Vrančić's abweicht (es ist die Tendenz zu beobachten, für jeden Laut je ein Zeichen zu verwenden, was aber nicht völlig konsequent durchgeführt werden konnte), und er markiert auch die Stelle und Qualität der Akzente. Die Wörterbuchartikel werden um einige grammatische Merkmale ergänzt (Geschlecht der Substantiva, Genitivformen usw.), und es wurden zu Vrančić's Wortmaterial etwa 700 Wörter hinzugefügt. Im Anhang analysiert Darija Gabrić-Bagarić das lexikalische Material des Wörterbuches, und führt die Abweichungen zwischen den beiden Wörterbüchern auf. Es ist ein interessantes Moment für uns, daß Kašić viele Wörter aus Vrančić's Wörterbuch entfallen läßt, und zwar, außer den Kirchenslawismen leider auch die Hungarizismen, die ungarischen Lehnwörter. Darija Gabrić-Bagarić widmet die größte Aufmerksamkeit denjenigen Wörtern, die wir bei Vrančić nicht finden, und weist darauf hin, daß ein Teil dieser Wörter aus den bei Vrančić vorhandenen Wörtern gebildet wurde (z.B.: Vrančić *bol*, *boliti* – Kašić *bolest*, – hier ist für uns interessant, daß das Wort *bolest* eben die Lücke ausfüllt, die das bei Vrančić vorhandene, bei Kašić aber ausgelassene *beteg* hinterließ). Einen Teil des Wortmaterials, das als im Vergleich zu Vrančić völlig neu betrachtet werden kann, bilden die Ortsnamen und Völkernamen; unter den neuen Wörtern finden wir aber auch Namen für Gegenstände, Tiere und Pflanzen. Darija Gabrić-Bagarić weist nach, daß für Jakob Mikaljas "Blago jezika slovinskoga" (Lavretti, 1649, vgl. Franolić 1985, 109, No. 542) eben Kašić's Wörterbuch die Quelle bildete, und einen Teil der "neuen", selbständigen Artikel finden wir auch bei Della Bella, Stulli und Karadžić (Franolić 1985, 107, No. 529. und 110, No. 550–552).

Der Text des Wörterbuches besteht aus drei Teilen. Den ersten Teil bildet das Facsimile der Handschrift, das wahrscheinlich wegen Beschädigungen am Original, aber auch aufgrund nicht ganz angemessener Reproduktionstechnik und des verwendeten Papiers schwer zu lesen ist, aber trotz dieser Mängel bleiben die Veränderungen und Verbesserungen deutlich be-

merkbar. Dem Facsimile folgen die Rekonstruktion des Textes, seine Transliteration und Transkription. Die Teile, die unlesbar sind, wurden rekonstruiert, was aber nicht störend ist, weil für die Zwecke der Rekonstruktion ein anderer Buchstabentyp verwendet wurde. Bei den italienischen Wörtern wird durch ein Ausrufungszeichen die Aufmerksamkeit auf die im Original vorhandenen Fehler und Abweichungen in der Rechtschreibung gelenkt, und die heute übliche Schreibweise angegeben. Zwischen den in Wörterbüchern üblichen zwei Kolonnen finden wir eine dritte mit der Transkription der kroatischen Wörter und ggf. Erklärungen. Im dritten Teil der Ausgabe des Textes wurden die ersten beiden Kolonnen umgestellt; in der ersten Kolonne finden wir also die moderne Transkription. Diese einfachen Verfahren weisen auf einen der lobenswerten Züge der Ausgabe hin: die Absicht der Herausgeber war, dieses Werk der Forschung zugänglich zu machen, und sie haben alles getan, um den künftigen Forschern die Arbeit zu erleichtern. Demselben Zweck dienen einige Tabellen im Anhang der Textausgabe, die das von Kašić verwendete Alphabet, die Entwicklung seines graphischen Systems und seine Buchstabenkombinationen enthalten. Sowohl die Computerbearbeitung des Materials als auch die Zusammenstellung der Tabellen ist Ignacije Belak S.I. zu verdanken, der gleichzeitig auch für die graphische Gestaltung des Buches verantwortlich ist: für die Dekoration des Bucheinbandes und des Titelblattes wählte er das gleiche Emblem, welches auch auf dem Titelblatt von Kašić's Grammatik zu sehen ist, und betont dadurch, daß die beiden Werke eine Einheit bilden und die jesuitische Tradition fortsetzen. Wir hoffen, einst dasselbe Emblem auf dem Titelblatt der vollständigen Ausgabe des Konversationsbuches sehen zu können. Wenn es aufgefunden wird...

LITERATUR

- B. Simond, R. 1959, *Verancsics Faustus Dictionariumának magyar szókészlete betűrendben, latin értelmezésekkel*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Franolić, B. 1985, *A Bibliography of Croatian Dictionaries*. Paris: NEL.
- Horvat, V. 1988, Vukov "srpski rječnik" (1818) prema rječnicima isusovaca leksikografa: Kašića (1599?), Mikalje (1649), Habelića (1670), Della Belle (1728) i Jambrešića (1742). *Naučni sastanak Slavista u Vukove dane: Referati i saopštenja 17/2*, 439–448.

Verantius [Vrančić], F. 1595, *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum Venetiis*. Reprint-Ausgabe: Zagreb, Liber Croaticus, 1971.

Ágnes Kacziba

(*Kacziba Ágnes, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.*)

В.Г. Костомаров, Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-пресс, 1994, 247 с.

Поскольку каждая историческая эпоха оставляет свой отпечаток в языке, нам кажется естественным, что лингвист В.Г. Костомаров анализирует новые явления через их проявления в языке и неудивительно, что он не может ограничиться при этом чисто лингвистическими проблемами. По его мнению в бывшем СССР был порожден некий *вирус распада империи*, который со стремительной скоростью разрушает всё на своем пути. "Традиционные устои общества, весь прежний строй жизни большинством населения воспринимаются как устаревшие – не только идеология, общественное устройство, но всё, включая одежду, питание, бытовое поведение. И, разумеется, манеру общения, речь и даже самый язык."

Демократизация страны сопрягается со свободой действий. Однако, эта свобода многими понимается как вседозволенность, *беспредел*. На этом фоне общего хаоса и смены ценностей складывается сегодняшняя языковая мода, которая характеризуется беспредельной свободой выражения, фамильярной развязанностью тона, хулиганством, грубостью, желанием шокировать. Этот вкус задается влиятельной частью общества, так называемыми *новыми русскими (ню рашенз)*. Эти неэлитарные группы, периферийные при прежней системе, всплыли навёрх, заняли центральные места, навязывая свои речевые навыки, в частности жаргон и матерщину, всему обществу. Они образуют агрессивную замкнутую псевдоэлиту, достаточно богатую и властную, чтобы, несмотря на широкое противодействие здоровой части общества, распространять свои вку-

сы. Здоровая часть общества, устав бороться, с апатией и равнодушием относится к ним, а те, кто мог бы воздействовать на эти процессы: журналисты, писатели, творческая интеллигенция, подигрывают им, сами уродуют язык ежеминутно в средствах массовой информации, пропагандируя бизнес как высшую ценность и занимаясь вместо просвещения растлением общества.

Вот почему В.Г. Костомаров назвал свою новую книгу "Языковой вкус эпохи". Введением понятий *языковой вкус* и *мода* он указывает на социально-психологическую природу новых языковых явлений. Автор показывает, что в языке происходят те же сдвиги, что в обществе: то, что до сих пор считалось периферийным, вторичным, выдвигается в центр, становится чуть ли не нормой, исключение становится правилом.

В.Г. Костомаров собрал свои наблюдения над речевой практикой масс-медиа. В книге представлен процесс смены вкусовых ориентаций речи в его связи с общественно-политическими изменениями. Автор систематически прослеживает, изучает явление и работу *вируса разрушения* на всех ярусах и уровнях языка. Его действие особенно сильно в заимствованиях – внутренних (из просторечия, жаргонов, диалектов) и внешних (преимущественно из американского варианта английского языка). Весьма активен он в словообразовании и в семантических преобразованиях в стилистике. Книга содержит богатый свежий лексический материал, взятый из 23-х различных русских газет. "Языковой вкус эпохи" может быть интересен и полезен всем русистам для расширения пассивного и активного словарного запаса, ознакомления с новейшими тенденциями развития стилистики и грамматики. Кроме того, через языковые проблемы, запечатленные в газетных статьях мы получаем картину не только состояния языка, но и современного общества.

Книга состоит из семи глав.

1. **Стилистика.** В первой главе автор представляет влияние складывающегося языкового вкуса на стилистику.

Стиль сегодняшнего общения характеризуется размытостью границ, нивелировкой между "серьезными" стилями и устно-бытовыми типами речи. Иными словами: смешением, смещением, гете-

рогенностью каждого отдельного текста и установкой на стилистическую сниженность, "раскрепощенность", которая создается разговорными интонациями, жаргоном, просторечием. Девизом многих газет стали слова "дойдой стыд". Снимая "вето" журналисты имеют явное пристрастие к тому, что раньше не допускалось. Выверты (типа *катастройка, прихватизация, дерьмократы*), намеки, "фразы дня", словесные игры, шутки, каламбуры, издевательские образования, новые типы сочетания слов являются неотъемлемой частью нового стиля.

В то же время тексты пестрят иноязычными заимствованиями, которые носят письменный характер и, как В.Г. Костомаров пишет: "Отличаются мудреной непонятностью и соответствуют другой черте сегодняшнего языкового вкуса – стремлению к «вокнижению» изошренности речи".

2. Внутренние заимствования (из просторечия, диалектов, жаргонов). Демократизация общества сопровождается либерализацией языка, что происходит за счет внутренних ресурсов: заимствований из нелитературных сфер языка. То, что раньше можно было услышать только в раскованной бытовой речи, сейчас допускается в письменные тексты, по крайней мере в масс-медиа. Просторечие и жаргонизмы входят в литературный язык, причем все чаще без "перевода" и без кавычек. Чернуха, порнуха, "блатная музыка" и приблатненные словечки (здесь мы приводим только самые безобидные: *бабки, грины, лимон, тусовка* и т.п.) сегодня встречаются в печати сплошь и рядом. Пример берется с американской масс-культуры. Дурные привычки как известно заразительны.

Проникание просторечия и жаргонизмов в литературный язык открывает ворота общей неряшливости.

3. Внешние заимствования (американизмы и другое иноязычное влияние). Американизация, которая чувствуется во всем мире, в странах СНГ достигает размеров америкомании. США становится эталоном, особенно для молодежи. Этим объясняется сегодняшний поток заимствований из американского варианта английского языка, который многие сравнивают с французским наводнением XVIII века.

Среди них жизненно оправданными представляются обозна-

чения новых явлений рыночной экономики, начиная с *ваучера* и *лизинга* и кончая *рэкетом*, а также новой техники и технологии, типа *факс*, *файл*, *софтвэр*, *клип*... Постоянным источником заимствований является музыка (*хэви-металл*, *рэп*), танцы, мода (*брюки-стрейч*, *лейбл*...).

Однако часто их употребляют лишь ради моды и по "худому" знанию родного языка, или чтобы замаскировать псевдоученостью недоумие. Устрашающая масса более или менее оправданных заимствований напоминает "опухоль в словарном организме", который не успевает перерабатывать их. Видимо поэтому стали сейчас говорить об экологии языка.

4. Переосмысления, сдвиги в семантике слов. Смена идеологии сопровождается переосмыслением лексического состава.

Для сегодняшнего языка характерно стремление "к новым, нескомпрометированным словам, или к очищению старых слов", – пишет Костомаров.

5. Новая фразеология. "Всякий поворот общественной истории, – утверждает Костомаров, – моментально создает свою фразеологию, отличную от фразеологии предыдущей эпохи, прежде всего в социально-политической сфере".

Большинство новой фразеологии связано с экономикой и торговлей (*конверсия оборонной промышленности*, *коммерческие структуры*, *ваучерная приватизация*...), а образуют они часто метафоризацией (*шоковая капитализация*, *дикий рынок*).

Значительная часть относится к политической деятельности, к борьбе политических партий (*правовое государство*, *митинговое право*, *силовые структуры*, *политическая стабильность*...).

6. Активные процессы в словообразовании. Меняется продуктивность ряда словообразовательных моделей. Приметой языка перестройки считается "номинативный взрыв". Повышение продуктивности традиционных суффиксов *-ик* (*бюджетник*, *рыночник*, *теневик*), *-ец* (*горбачевец*, *гайдаровец*), *-ация* (*приватизация*, *купонизация*, *талонизация*), *-щина* (*митинговщина*, *преобразованщина*), *-уха* (*чернуха*, *порнуха*), *-ок* (*сынок*, *лопушок*, *комок*, *совок* – особое внимание автор уделяет последнему слову) не вызывает

беспокойства лингвистов.

Однако, расширение круга производящих основ за счет просторечных и жаргонных сфер, а также иноязычных основ настоятельно требует. Такие выражения как *борьба за смотримость передач, отксерить, референдумить* отнюдь не приветствуются лингвистами, не говоря уже о словосложениях и словосокращениях типа *ГАИшник, кагэбешник, эсэнговский, попкорн-аппарат, шоп-туризм* и т.п.

7. Процессы, намечающиеся в грамматике и фонетике, в орфографии и пунктуации. "Масштабы динамики изменений таковы, что многие чуть ли не всерьез опасаются, что уже следующее за нами поколение заговорит на каком-то «новорусском» языке", — пишет автор.

В грамматике "выталкивание исключений" захватывает всё новые грамматические формы. Растет терпимость к употреблению ошибочных с точки зрения литературной нормы форм. Что касается синтаксиса, характерно отсутствие согласования между словами разного управления, часто вообще опускаются дополнения, синтаксически нужные местоимения (*себе, собой*). Одновременно теряют актуальность те явления, которые считались приметам языка предшествующей эпохи: безличные и пассивные конструкции, конструкции с отглагольными существительными, избыточное употребление причастий, активность несовершенного вида.

Даже в области фонетики наблюдаются изменения. Они связаны с возросшей терпимостью к ненормативным ударениям, к диалектным особенностям речи, с попытками придерживаться иноязычного произношения в заимствованных словах и с модной интонацией на американский лад.

Орфографические и пунктуационные предписания теряют свою строгую обязательность. В результате русские газеты, отличавшиеся высокой грамотностью и корректорской пунктуальностью, сейчас пестрят опечатками и прямыми ошибками.

8. Заключение. В восьмой, заключительной части автор подводя итоги своих наблюдений возвращается к лейтмотиву, заданному в введении: в опасности ли русский язык? Какова взаимосвязь между речью и языком? Насколько изменяют сегодняшние откло-

нения в речи языковую структуру? Имеем ли мы в результате некий новый язык? "К счастью нет, – отвечает Костомаров, – но привычный нам лик литературного языка меняется более или менее существенно". Перемещение языковых элементов по оси "центр – периферия" уже явно относится к системе, а не просто к речевой практике.

"Переход языка в новое состояние неизбежен, но он должен обеспечить преемственность литературного выражения и не разрывать веками выработанные традиции", – считает автор.

Илона Эрдеи

*(Erdei Ilona, JATE, Szlovák Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

Miloš Crnjanski, O Banatu i o Banaćanima. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1989, 133 str.

Siguran sam da će se 1993. godina zapamtiti po obeležavanju stogodišnjice rođenja centralne ličnosti srpske književnosti, Miloša Crnjanskog, književnika čija dela u poslednjih deset-petnaest godina u svetu izazivaju i te kako znatnu pažnju.

Ovom prilikom Književna zajednica Novog Sada je odlučila da izda tekstove Miloša Crnjanskog koji su objavljeni u posebnim knjigama pomenutog pisca. Treba reći da je sastavljeno delo izuzetne snage, lepote i dubine, višeznačno i višeslojno – "O Banatu i o Banaćanima" je istovremeno psihološki, istorijski, socijalni, biografski i pomalo lirski prikaz u kojem se vidljivo oblikuju piščevi opisi prirode. Opisi prirode – kao i u Seobama – imaju veoma aktivnu, tvoračku ulogu, pejzaži imaju određenu reč u projektovanju glavnih junaka ovog dela.

I u ovom izboru Crnjanski se pokazao kao izuzetan stvaralac izuzetne obdarenosti, mek, elegičan, senzualan. U svoje opise utkao je niz naselja preko kojih je stvorio sopstvenu kulturnu geografiju: u sećanjima su ostali Temišvar, Žombolj, Kikinda, Vršac, Mesić – manastir srpskih despota u Banatu, te banatska ravnica. Čitaocu se čini da je "O Banatu i o Banaćanima" – uzimajući u obzir povezanost tekstova – hronika koja predstavlja

izvršno historiografsko, sociološko, demografsko i etnološko delo, napisano lepim i lakim stilom. Baš zbog toga knjiga ima i posebnu vrednost, naime, pisac nam nudi neku vrstu proučavanja srpskog naroda. On svoje kritičko sagledavanje koncentriše na specifičnu sliku Banata i Banačana, maksimalno otkriva njihovu individualnost i veoma vešto prikazuje elemente narodnog predanja, mita i folklor, odnosno tradicije u građenju proznog realiteta.

Izbor sadrži sedamnaest tekstova i u svim tekstovima ocrta se ljubav prema voljenom kraju, običnim ljudima, istina prava je pak da je u pomenute slike ponekad uključena i subjektivna sumornost.

Ipak, najviše me je iznenadio tekst "Preci" u kojem se Crnjanski predstavlja kao šaljivčina, u toj priči kao da se oseća "nušićevski" uticaj.

Šta reći za kraj? Crnjanski je kao vredan i svestran pisac sa svojim vrednim otkrićima (jer njegovi tekstovi su to) i zapažanjima, još jedanput ukazao na svojevrstan mozaik svog stvaralaštva koji značajno doprinosi potpunijem i širem osvetljenju istorijata Banata i Banačana.

Predrag Mandić

*(Mandić Predrag, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

PETŐFI PONOVO MEĐU SRBIMA I MAĐARIMA: Stevan Pešić, Dopisivanje sa bogom. Beograd: Izdavačka kuća Književne novine, 1991, str. 297.

Čitajući nesvakidašnje delo Stevana Pešića "Dopisivanje sa bogom" posebno me je očarala i začarala pripovetka pod naslovom "Poezija je jedina pravda" (225–248). Zašto?

U kulturnom pojasu koji se zove Istočna Evropa uvek su postojali i postojaće dodiri različitih kultura. Zahvaljujući Stevanu Pešiću čitaocima je reprezentovana mađarska istorija, književnost koju, u ovom slučaju, predstavlja jedan od organizatora ustanka iz 1848. godine, čija poezija komunicira sa prošlošću – to je Sándor Petőfi.

U svojoj pripovesti Pešić majstorski piše o jednom već pređenom životnom putu pesnika, veoma vešto prikazuje dramatičnost i sumornost Petőfijeve sudbine u današnjici, naime, pisac sa bogovima zajedno

dozvoljava da se slavni pesnik vrati kako bi bio ponovo otkriven. Željan autonomije Petőfi, dakle, najzad stiže u realnost, u određeno društvo no ispostavlja se da je autonomija narušavana jer je društvo postalo sve manje humano. U promenljivoj istorijskoj konstelaciji trenutka iako je pesnikov duh opstao, analizirajući stanje, revolucionar i književni stvaralac otkriva da stvarnost klizi, razlaže se, da su ljudska merila ograničena vremenom i prostorom. Petőfi pokušava da oživi prošlost, da udahne rečitost svim fragmentima i ostacima no sve pobune koje su se kroz poeziju dešavale, i koje će se dešavati, nisu ništa drugo do vapaj za verom. A vera je drugo ime za poeziju... Sadašnji život Petőfija, dakle, stalno postoji pod prislenkom prošlog života. Obnavlja sećanje jedno za drugim, naporedo sa razmišljanjem o vremenu koje je prošlo, u smislu postojanja i smrti.

Nerešeni antagonizmi realnosti su uzdrмали a potom vratili velikog i slavnog pesnika u nebo. Shvatio je najzad da su vanvremenske i izvanpros-torne suštine života pobedile i prvi put oseća pomirenje sa sudbinom, znači, zakoni i predviđenja bogova ponovo pobeđuju.

Usamjenost ili samotnost trenutnog postojanja prisutna je tokom cele Petőfijeve ispovesti a najbolji izraz je dobila u poslednjem susretu glavnog junaka i Aranya. Ova scena ističe da je čovek sam, kako u umiranju tako i u rađanju, Pešić ume da spoji lepotu i tragiku čovekovog postojanja. Petőfi je u susretima sa Juliom Szendrei, sa bratom Istvánom doživio jednu mračnu dramu, poniženje. Jedino je kod Aranya naišao na utočište i pomirenje. I ovde bih za trenutak stao: jedina mala zamerka koja bi se mogla uputiti piscu ove pripovetke jeste činjenica da on koristi ime *Aranji* umesto *Aranj*: "U Salonti je Janoš Aranji pisao «Toldiju»" (str. 242).

Sve u svemu tragično poimanje čovekove sudbine osnovna je tema pripovetke "Poezija je jedina pradva". Prikazujući "celog" Petőfija Stevan Pešić je u svojoj pripovesti stvorio vremensku shemu koja mu je omogućila da se naglasi razmimoilaženje između vremenskog trajanja u čovekovoј svesti i u stvarnom životu. U "Dopisivanju sa bogom" stvaralaštvo je moć ali i kazna, a pesnička fantastika jedina prava stvarnost pa zato pisac i svoju pripovest dovodi do kraja koji sasvim odgovora jednom tragičnom poimanju života i čovekove sudbine a koje prestaje da važi samo u jednom prostoru, ili u jednom određenom vremenju. Sin Petrovića, koji je svoje slovensko

ime promenio u mađarsko, ponovo se, dakle, našao u vrtlogu književnih prostora Srba i Mađara.

Predrag Mandić

*(Mandić Predrag, JATE, Szlav Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

A magyarországi szlav nyelv tudomány bibliográfiája 1985-ig. [A Bibliography of Slavic Linguistics in Hungary up to 1985]. Edited under the direction of István Nyomárkay, by the editorial board: Ferenc Gregor, Attila Hollós, András Zoltán. Budapest, 1990, 170 pp.

An important practical task of Slavic linguistics in Hungary has been to bring together a bibliography of Hungarian slavists and Hungarian slavistics. The compilation of the individual national bibliographies of slavistics became topical especially after the Fourth International Congress of Slavists, which is accounted for by the fact that the world-wide interest in Slavic languages increased during the interwar period and after World War II. The bibliography to be surveyed here presents the achievements of Hungarian slavistics from the pioneering activity of the founder of scientific slavistics in Hungary, Oszkár Asbóth, to 1985. From the preface to the volume we learn that "this is the first relatively complete bibliography" of Slavic linguistics in Hungary. The compilers of this volume must have aspired after completeness when they included in their bibliography the publications of Hungarian authors who had ever lived in the territory of Hungary. The works of foreign authors have not been included even if they were published in Hungary. An exception to this was the activity of Samu Czambel and Sándor Rot, whose works can be found in the volume.

The material in the bibliography can be classified in four groups: 1. self-contained works, 2. articles and essays in periodicals, 3. reviews, 4. miscellany. The compilers of the volume, when collecting their data, carefully studied the materials of 140 periodicals, year-books of universities and colleges, and other publications, apart from the self-contained works. As many as 3099 items about the achievements of Slavic linguistics in Hungary are enumerated in the bibliography, which thus gives truly detailed infor-

mation about the accomplishments of Hungarian slavistics from the beginnings to 1985.

Having looked into the material referred to above, one gets convinced that the compilation of such a bibliography is by no means a self-evident and simple undertaking. The editor and his colleagues had a relatively easy job in those cases when publications belonging unambiguously to the realm of Slavic languages were concerned. However, they had some difficulties with interdisciplinary material. It is well-known that the Hungarians got in touch with the Slavs before 896 AD, the year of the Magyar conquest of Hungary. After the conquest the relations became stronger and richer and affected almost every part of the Hungarian people's life. Slavic linguistic activity, therefore, inevitably has Hungarian linguistic, literary, ethnographic, historical and cultural aspects, as well. Such a point of view, which is sometimes called hungarocentric, is justified by Hungarian history, and it requires the utilization of Slavic linguistic research in hungarology. This standpoint requires a wide application of the achievements of slavistics in solving specifically Hungarian problems. Plenty of material is available to researchers in this field. The compilers of the bibliography could freely select from this abundance of data, deciding what would be included in the volume, and what would be left out. Presumably, of the publications dealing with 'interdisciplinary' fields, mainly those were selected whose authors were Slavic linguists. It can account for the fact that publications like István Kniezsa's excellent but in foreign countries somewhat ignored essay entitled *Die Slavenapostel und die Slovaken* was included in the bibliography, whereas Péter Váczy's precious study published in the *Szent István Emlékkönyv* (Saint Stephen Festschrift) – *Magyarország kereszténysége a honfoglalás korában* – was left out, although it is one of the most important products of the literature devoted to Cyril and Methodius in Hungary.

With this comment we have come to the critical remarks concerning the bibliography. Such remarks refer to the material that was left out from the bibliography – a phenomenon common to all similar works.

We take it amiss that the slavist László Csopay's work was omitted from the bibliography. Volume I of the *Magyar Életrajzi Lexikon* records him. He is referred to as a Ukrainian linguist in *Восточнославянские языковеды*, Vol. 3 (compiled by M.G. Bulaxov, Minsk, 1975), but his

essay *Magyar szók a rutén nyelvben* is not mentioned. The value of the carefully and well compiled bibliography is not diminished when the reviewer enumerates some works that must have escaped the compilers' attention. Mention must be made of the following:

Elemér Moór: *Bolgár-törökök és szlávok*. (Szeged, 1930, 42 pp.)

Ágoston Pável: *Magyarok és szlovének*. In: *Magyarország és Kelet-Európa*. (Budapest, 1947, 156–168.)

Endre Angyal: *A szlavista Pável Ágoston*. (*Vasi Szemle I.*, Szombathely, 1958, 5–17.)

Although it is not a linguistic study, but launches a new hypothesis concerning the Slavic elements in Hungarian Christian terminology and therefore should be included in the bibliography:

Gyula László: *Magyarok és szlávok*. (*A Móra Ferenc Múzeum Évkönyvei*. 1971/1, 281–294.)

The bibliography depicts a good, exact and true picture of the problems and accomplishments of slavistics in Hungary. Its careful study renders it possible to reach some conclusions that can be summarized as follows:

1. Owing to the character of Hungarian–Slavic relations, the slavistics in Hungary can be considered hungarocentric at the beginning of its history.
2. This justifiable hungarocentrism gradually gives place to the research of specifically slavistic problems.
3. Hungarian slavistics has not been separated from the general progress of Slavic studies neither in its methods, nor in the level of its accomplishments.
4. Nevertheless, the achievements of Hungarian slavistics (concerning especially the history of Hungarian–Slavic relations) have not been given the attention from abroad that would be due to them.

A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig is a long desired useful and indispensable reference book for slavistic studies in a wider sense. It gives a true picture of the history, development and accomplishments of slavistics in Hungary. Its publication, therefore, is a welcome fact of Hungarian slavistics.

Imre H. Tóth

(*H. Tóth Imre, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.*)